

А. И. Рупасов

Военно-политические доклады вице-адмирала В. фон Кейзерлингга о ситуации в России (декабрь 1917 г. — февраль 1918 г.)

Предложение правительства В. И. Ленина Германии начать переговоры о мире сразу же оказалось в центре внимания политической жизни в кайзеровской империи. Его почти единодушно поддерживали представители самых различных политических ориентаций уже в конце ноября 1917 г.¹ Отношение немцев к новой власти в России в последние месяцы 1917 г. было преимущественно положительным, а в некоторых кругах даже восторженным: на протяжении лета-осени 1917 г. партия большевиков воспринималась не только как партия мира, но и как партия демократии и парламентаризма, требовавшая созыва Учредительного собрания². Имена Ленина и Троцкого были на слуху: германские либералы и демократы нередко открыто ими восхищались³.

На начавшихся 21 ноября (4 декабря) 1917 г. переговорах в Брест-Литовске российская делегация сделала ставку не на скорейшее подписание мирного договора, а на затягивание переговоров.

Во время важнейшей фазы переговоров в Брест-Литовске, в Петрограде с 28 декабря 1917 г. по 14 февраля 1918 г.⁴ пребывала смешанная комиссия по урегулированию вопроса об обмене гражданских пленных⁵, военнопленных и инвалидов, а также по принятию мер к восстановлению культурных и хозяйственных отношений между заключившими перемирие странами. Для германской стороны наибольшую важность представляло обсуждение ряда аспектов именно хозяйственных отношений: возобновление почтово-телеграфного и железнодорожного сообщения, налаживание взаимодействия в финансовой сфере⁶. Немецкую делегацию возглавлял граф Вильгельм Мирбах-Харфф, позднее ставший первым посланником Германии в советской России, австрийскую — фон Гемпель, российскую — А. И. Доливо-Добровольский и Карл Радек⁷. Несмотря на название комиссии, германская делегация в ней определенно имела

Рупасов Александр Иванович,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Санкт-Петербургский Институт истории РАН.
[*rupasov_ai@mail.ru*](mailto:rupasov_ai@mail.ru)

более широкие задачи, далеко выходящие за решение вопроса обмена военнопленными. Германской ставке и кайзеровскому правительству была необходима информация из первых рук о настроениях в российской столице и обстоятельный анализ административного потенциала большевиков, их способности к распространению своей власти по территории бывшей империи и удержанию ее в течение более или менее продолжительного срока. Оценка «хозяев» (к ним относили исключительно Ленина и Троцкого) и диалог с ними были необходимы, поскольку та странная компания «слуг» (в данном случае мы используем терминологию статс-секретаря Рихарда фон Кюльмана), которая поначалу приехала в Брест-Литовск, вызвала у самого главы внешнеполитического ведомства Германии и его коллег из Вены, Софии и Стамбула ассоциации с гастролями провинциальной труппы. Л. Б. Каменев и А. А. Иоффе проявили не меньший интерес к посещению оккупированной немцами Варшавы, чем к дискуссиям за столом переговоров в Брест-Литовске.

О значимости приехавшей в Петроград германской делегации косвенно свидетельствовал тот факт, что уже в день прибытия Мирбах был принят Лениным⁸. О приезде германской комиссии по делам военнопленных в Петроград и о том, что она разместилась в номерах «Астории» (стоявшей напротив здания бывшего германского посольства), на страницах петроградских газет появилось несколько кратких сообщений. Остается сожалеть, что в историографии остается совершенно не освещенной деятельность немецкой делегации в российской столице и содержание встреч Мирбаха и Кейзерлингга с представителями большевистского руководства.

Назначение кадрового дипломата Мирбаха главой упомянутой комиссии вполне понятно. Включение же в нее в качестве «уполномоченного высшего армейского и морского командования» вице-адмирала барона Вальтера фон Кейзерлингга (1868–1946), занимавшего высокий пост начальника оперативного отдела германского Адмирал-штаба, было весьма знаменательным. Помимо Брест-Литовска⁹, российско-германские переговоры в то время велись также в Риге, где их предметом было решение ряда военно-морских вопросов (в том числе, предоставление российской стороной планов минных заграждений на Балтике), установление демаркационной линии на море и интернирование союзнических кораблей в российских портах. Казалось, командировка Кейзерлингга в Ригу была бы более оправдана. Нам не известны причины, которые обусловили выбор кайзера. Можно лишь предположить, что глава Адмирал-штаба адмирал Хенниг фон Хольтцендорф и начальник военно-морского кабинета кайзера адмирал Г. А. фон Мюллер исходили из деловых качеств Кейзерлингга, предлагая его кандидатуру Вильгельму II.

Германский историк Винфрид Баумгарт еще в 1967 г. издал петроградские донесения Кейзерлингга, снабдив их, в отличие от своих последующих публикаций источников, весьма скромными комментариями, указав лишь, какие экземпляры копий этих докладов отложились в архивах тех или иных ведомственных фондов и кратко пересказав содержание публиковавшихся ниже документов¹⁰.

За период с 3 января по 14 февраля вице-адмирал направил своему начальнику адмиралу Х. фон Хольтцендорфу 11 так называемых «военно-политических докладов». Они необычны по своему характеру не только в силу того, что их автор проявил незаурядные качества журналиста, но и тем, что в них вице-адмирал ни единым словом не обмолвился об обсуждении тех вопросов, ради которых, казалось, и приезжала в российскую столицу немецкая комиссия, а именно — о судьбе пленных и проблемах экономического сотрудничества¹¹. Более того, адмирал не уделил в своих докладах особого внимания и анализу состояния российской армии и флота, то есть тем вопросам, освещение которых, как можно было бы предположить, являлось лично его задачей¹². Вместо этого свое основное внимание фон Кейзерлингк уделил описанию общей политической ситуации в Петрограде. Эти донесения сопоставимы по своим оценкам с донесениями за 1917–1918 гг. датского посланника в Петрограде Харальда Скавениуса¹³.

Значение докладов фон Кейзерлингка, по мнению Баумгарта, не сводимо только к тому, что они позволяют современному читателю увидеть, как происходило становление новой русской — или советско-русской — эры. Они представляют интерес для историка прежде всего тем, что привлекли к себе особое внимание германской Главной штаб-квартиры и, судя по всему, повлияли на принятие политических решений в феврале 1918 г.

Оригиналы докладов регулярно направлялись кайзеру и рейхсканцлеру, а также — из Адмирал-штаба — в Министерство иностранных дел. Кайзер Вильгельм II не раз оставлял на своем экземпляре докладов пометы вроде: «очень хорошо», «таково и мое мнение». Ряд монарших высказываний дошел до нас благодаря начальнику военно-морского кабинета кайзера адмиралу фон Мюллеру¹⁴. Так, 2 февраля 1918 г. Мюллер занес в свой дневник грозную реплику кайзера: «Я прикажу маршировать на Петербург, как только мы закончим с Украиной». Находившийся в Брест-Литовске статс-секретарь Р. фон Кюльман был осведомлен о том, что кайзер не только знаком с содержанием донесений Кейзерлингка, но и разделяет по крайней мере некоторые из его оценок. В своей телеграмме в Министерство иностранных дел от 31 января он прямо писал о «большом впечатлении», которое производят на кайзера эти донесения¹⁵. Возможно, что именно доклады Кейзерлингка послужили основой для другого замечания кайзера, сделанного в феврале 1918 г. по прочтении одной статьи в «Kölnische Zeitung» о гражданской войне в Финляндии: «Европа должна выздороветь благодаря германскому мечу. Я веду борьбу за всех моих коллег».

В. Баумгарт полагал, что доклады Кейзерлингка оказали воздействие как на агрессивность кайзера, так и на оценки Э. Людендорфа и П. Гинденбурга. Он обратил также внимание на то, что отдельные места из этих докладов зачитывались, согласно протоколу, на состоявшемся 13 февраля коронном совете в Хомбурге, когда рассматривались принципиальные основы германской политики в отношении большевистской России и когда было принято решение о наступлении на восточном фронте (а также об отзыве из Петрограда делегации Мирбаха).

Высокопоставленный кайзеровский офицер испытывал отвращение и «глубокую ненависть» к пагубному учению и практике большевизма. Он считал этот феномен новейшей истории крайне опасным — не только для Германии, но и для остального мира, поскольку им неожиданно оказались проявлены потенции к управлению страной. Это порождало у него тревожные чувства при оценке ближайших перспектив германо-российских отношений. Большевизм, по мнению фон Кейзерлингга, был опасен в силу того, что уже тогда режим «фанатично неистовствующих», вынужденный озаботиться собственным самосохранением, начинал проявлять определенную гибкость — «первое бурое проведение в жизнь большевистской теории очень быстро претерпит изменения». Вместе с тем, фон Кейзерлингк считал, что даже если нынешний жесткий большевистский режим постепенно, путем добровольных или же вынужденных уступок будет перерождаться в правительство реформ, которому все же придется «считаться с русским характером», тем не менее, пока он не будет вынужден полностью отказаться от своих нигилистических идей, он, в силу того, что несет в себе опасность планомерного подрыва структуры государства как таковой, будет представлять опасность для рейха. Вывод адмирала был категоричен: необходимо предпринимать шаги к уничтожению режима большевиков¹⁶.

Погрузившийся в беспокойную петроградскую жизнь (только глухой из номеров «Астории» не мог слышать почти не прекращавшейся стрельбы с проходившей совсем рядом Горюховой улицы, на которой с завидной регулярностью еженощно, а то и днем грабили магазины), адмирал с брезгливостью отзывался о германской прессе, которая, фактически ничего не зная о российских реалиях, тем не менее, в своем «преувеличенно юридическом восприятии» предполагала наличие у русских того уровня развития, которым они не обладают. «Необузданность господствующего теперь класса, — писал он, — является следствием исчезнувшего сильного угнетения, однако, считать, что эту необузданность можно простить, представляет собой заблуждение». Россия самостоятельно не способна достичь состояния истинного порядка, то есть того состояния дел, которое делает возможным сотрудничество с нею¹⁷. Стоит отметить, что о потенциях правительства большевиков к управлению страной, о которых адмирал писал в своих первых докладах, в последующем речи уже не заходило. Доминирующей у Кейзерлингга становится мысль о возможности быстрой трансформации российского хаоса во вселенский, со всеми вытекающими последствиями.

Когда в конце января петроградская пресса оказалась заполненной сообщениями о забастовках рабочих в Германии и Австро-Венгрии, фон Кейзерлингк еще раз вернулся к теме «уровня развития»: «Германский рабочий класс недостоин повиноваться учению народа, который после крушения у него государственных сил не может воссоздать порядок. Когда наши германские рабочие увидели бы здешний сброд — другое выражение не было бы достаточно метким — который важничает в роли застрельщика пролетариата в классовой борьбе, то они, конечно же, отказались бы от уравнивания с ним в названии пролетариат... Призыв русских: “Пролетарии всех стран

объединяйтесь!" они должны уступить русским и стоящим на таком же низком уровне народам. Такую позу русский быстро поймет и взаимные отношения станут хорошими»¹⁸.

Фон Кейзерлингк был категорически против объяснения «теперешней необузданности господствующего класса» следствием быстро исчезнувшего сильного гнета. Столь же ложным, по его мнению, было предположение, что в этой необузданности скрыт некий «благородный эффект». Вывод, к которому он приходил, был весьма категоричен: Россия погибла, и второй раз за свою тысячелетнюю историю приготовлена судьбой к тому, чтобы быть колонизованной¹⁹.

Государственное здание России развалилось, некая видимость целого поддерживается исключительно террором большевиков. То, что происходило в России, являлось, по мнению фон Кейзерлингка, спектаклем, который мир видел 150 лет тому назад у маленького славянского народа — поляков. И это сходство указывало, по его мнению, на дальнейшее направление развития событий — «сосед» летит в пропасть²⁰. Ответ на вопрос, насколько выгодна для Германии ситуация хаоса в России, был дан адмиралом в последних донесениях. В середине января он еще не был готов его дать.

Разгон Учредительного собрания привел фон Кейзерлингка к следующему заключению: незаметно возвращаются старые порядки, «род правительства — что и раньше, только форма стала иной, хотя и более плохой», «прежний император был самодержцем, не желавшим допустить к власти навязанной ему думы, а теперь — самодержавие воплощено в Ленине и Троцком, упирающихся против сотрудничества со слишком разговорчивым народным представительством». У адмирала складывалось впечатление, что импульс к процессу зарождения порядка в хаосе может быть дан только извне, поскольку общая картина являет «неописуемый хаос и никаких перспектив на порядок» (он считал, что «организаторская неловкость» имманентно присуща славянству, русским же волей-неволей приходится считать немцев более высоко стоящими существами). И этот импульс может придать Германия. Мирные переговоры с русскими, полагал фон Кейзерлингк, не могут привести к требуемому Германии результату. Однако таковой результат вполне достижим другим способом: хватит небольшого военного нажима, чтобы заставить русских перестать болтать попусту и быстро заключить мир на германских условиях²¹. Военное поражение в Петрограде совершенно забыто, писал он, однако конца не видно росту «социалистической мании величия», чему в немалой степени способствует позиция социалистов в Европе. Ситуация, по его мнению, была опасна тем, что введением в заблуждение фанатиков-социалистов большевики могут достичь большого успеха²².

Прожив почти месяц в Петрограде, Кейзерлингк обратился к «еврейскому фактору» в русской революции: «на каждом шагу евреи становятся подозрительно заметными, их влияние весьма сказывается на армии и флоте... Не имея близкой родины, они создали родину быстро понравившимся черни лозунгом самоопределения народов. Их собственный космополитизм избрал приманку интернационализма. Их месть была направлена на разложение

вооруженной силы... и на устранение стеснявших их в промышленности и торговле сил — капиталистов. Этим они, зачинщики этого ужасного явления, приводят в движение глупые и, к сожалению, слишком склонные к ненависти в отношении государственной власти и капитализма, массы русского народа»²³. В своем последнем (не датированном и, возможно, написанном уже не в России) докладе адмирал все радикальные элементы в России отнесет к «происходящим из евреев мечтателям»²⁴.

Безрезультатность брест-литовских переговоров крайне раздражала фон Кейзерлингга. Он неизменно ратовал за «возобновление свободы действий весной», чтобы через Эстляндию нанести удар по Петрограду²⁵. Тем самым, особо подчеркивал он, будет достигнуто и окончательное решение прибалтийского вопроса, а с этим — и упрочение на целые столетия безопасности рейха и Центральной Европы в целом²⁶. Момент, по мнению фон Кейзерлингга, был исключительно благоприятен. Оборона России находится в таком состоянии, что не достойна какого-либо внимания. Население обширных территорий России ликуя приветствовало бы германские войска, так как увидело бы в них силу, которая могла способствовать восстановлению жизнеспособной структуры государства. Любопытна аргументация, к которой адмирал прибег, чтобы раскрыть необходимость скорейшего применения военного способа разрешения восточной проблемы. Терпеливо выслушивая в Брест-Литовске предназначенные для европейских единомышленников большевиков речи, немцы не должны упускать из виду того факта, что Великобритания активно содействует все более глубокому падению России, поскольку состояние ее полного упадка в интересах Лондона, так как это приводит к тому, что оказываются нереализованными две главные цели Германии — сильный бастион на Востоке и «свободные руки на Востоке»²⁷. Под «свободными руками на Востоке» адмирал определенно понимал не только возможность переброски войск на Западный фронт, но и возможность реализации экономико-политических целей Германии.

Отстаивая необходимость скорейшего решения «русской проблемы» возобновлением военных действий на Восточном фронте, он доказывал своему руководству наличие в России огромного недовольства большевистским режимом: «Все вопиют: когда это должно кончиться? Но безоружные и безвольные не находят способа, которым можно было бы воспротивиться грабителям. Помощь должна прийти извне, из Германии». «Громадные богатства, которые скрывает эта страна (Россия. — А. Р.) и освоение которых для Центральной Европы в огромной мере жизненно важный в экономическом и военном отношении вопрос, остаются при созданной большевиками правительственной системе невостребованными»²⁸.

Безусловно, военно-политические доклады Кейзерлингга не являлись для руководства рейха единственным аналитическим материалом, на основе которого было в конечном итоге принято решение о желательном оказании военного давления на правительство большевиков (а позже — разработка операции «Шлюссштайн»), но они в определенной степени были учтены.

¹ Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. Bd 311. Berlin, 1918. S. 3947–3983.

² Lösche P. Der Bolschwismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie 1903–1920. Berlin, 1967. S. 88–89.

³ Случ С. З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995) / Под ред. Д. Проэктора, О. Прудкова, С. Случа, Й. Лёзера, Х.-А. Якобсена. М., 1995. С. 28.

⁴ Даты даны по новому стилю.

⁵ Под ними понимались уведенные в Россию жители Восточной Пруссии и уведенные в Германию жители оккупированных территорий Польши, Латвии и Литвы.

⁶ Von Kühlman an den Reichskanzler von Hertling, 4.1.1918 // Der Friede von Brest-Litowsk. Ein unveröffentlichter Band aus dem Werk des Untersuchungsausschlusses der Deutschen Verfassunggebenden Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages. Düsseldorf, 1971. S. 201. Примеч.

⁷ Ксенофонов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. Документальный репортаж. М., 1991. С. 147, 155.

⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 135.

⁹ Первоначально советская сторона выражала пожелание, чтобы переговоры велись в одной из нейтральных стран. Даже после подписания перемирия от этого намерения не отказались, по крайней мере, встречаясь с Мирбахом 15 (28) декабря, Ленин еще раз поставил этот вопрос. Спустя неделю Р. фон Кюльман докладывал канцлеру Георгу фон Хертлингу, что немецкая делегация в Петрограде все еще ожидает ответа из Берлина на это пожелание. Любопытно одно упоминание в дневниковых записях М. Н. Покровского. Когда его в начале декабря 1917 г. вызвал из Москвы в Петроград Л. Б. Троцкий, то речь шла о поездке на переговоры в Стокгольм 10–12 декабря. «К выезду в Брест-Литовск я был также готов, как к путешествию в Китай», — оценивал Покровский свое впечатление от предложения. (Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М. Н. Покровского. Публ. А. В. Есиной // Вестник Российской Академии наук. Т. 63. 1993. № 2. С. 153).

¹⁰ Baumgart W. Die militärpolitischen Berichte des Freiherrn von Keyzserlingk aus Petersburg Januar-Februar 1918 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Н. 1. 1967. С. 87–104. — В. Баумгарт — автор фундаментальной монографии «Die Ostpolitik Deutschland 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Weltkrieges» (1967) и издатель ряда источников (среди них — дневники журналиста Альфонса Пакета, генерала Макса Гофмана и др.), освещающих советско-германские отношения в период 1917–1918 гг. Возможно, активная работа в Союзе историков Германии (ФРГ) в 1970-е гг., в котором он отстаивал весьма консервативные позиции, сказалась на чисто научной деятельности Баумгарта — некоторые его проекты не получили своего логического завершения.

¹¹ Впервые обсуждение на заседании СНК вопроса о военнопленных зафиксировано в протоколе № 54 от 23 января 1918 г. В те же дни заведующий «Отделом о военнопленных» А. Л. Менциковский (военный врач, левый эсер, позже — большевик, член ВЦИК первого созыва, в 1917 г. — член Исполнительного комитета Петроградского совета, председатель Комиссии по делам военнопленных, в 1918 г. — заведующий Отделом военнопленных Наркомата по иностранным делам, комиссар по делам военнопленных) направил в СНК пространную записку по вопросам военно- и гражданскопленных. В ней упоминалось о Русско-Австро-Германской комиссии в Петрограде. (Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 258, 267). На заседании СНК 15 февраля 1918 г. уже обсуждался вопрос «об утверждении договора с Германией об обмене гражданских пленнх, возвращении уведенных в Россию жителей Восточной Пруссии и возвращении уведенных в Германию жителей оккупированных местностей Польши, Литвы и Латвии». Докладчиком выступал Чичерин. Вместе с тем, работа по вопросам военнопленных в течение января-февраля 1918 г. шла, судя по всему, достаточно интенсивно. В ней, помимо германской и австро-венгерской делегации, принимали участие и представители датской и шведской дипломатических миссий. (Там же. С. 332).

¹² Вместе с тем, располагая в Петрограде неизвестными нам информаторами, он сообщал по инстанции подчас весьма ценную информацию, которая Адмирал-штабом доводилась до внешнеполитического ведомства. См., например: Chef des Admiralstabes an Staatssekretär v. Kühlman, 25.1.1918 // Der Friede von Brest-Litowsk. S. 432.

¹³ См.: Den Danske Gesandt i Petrograd Harald Scavenius syn på omvæltningerne i Rusland 1917–1918. Ved. B. Jensen // Danske Magazin. Indeholdende Bidrag till den Danske Histories oplysning. Bd 4. Ottende Række. København, 1973.

¹⁴ Военные дневники, записи и переписка Мюллера были изданы в 1959 г. Вальтером Гёрлицем: Georg Alexander von Müller. Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Marine-Kabinetts. Göttingen, 1959.

¹⁵ Von Kühlman an das Auswärtige Amt, 31.1.1918 // Der Friede von Brest-Litowsk. S. 452.

¹⁶ Militärpolitische Bericht N 2, 11.1.1918. S. 93–94.

¹⁷ Militärpolitische Bericht N 3, 17.1.1918. S. 94–95.

¹⁸ Militärpolitische Bericht N 7, 2.1918. S. 100.

¹⁹ Militärpolitische Bericht N 3, 17.1.1918. S. 95.

²⁰ Militärpolitische Bericht N 9, 9.2.1918. S. 101.

²¹ Militärpolitische Bericht N 4, 21.1.1918. S. 96.

²² Militärpolitische Bericht N 6, 1.2.1918. S. 99.

²³ Militärpolitische Bericht N 5, 28.1.1918. S. 96–97.

²⁴ Militärpolitische Bericht N 11. S. 103.

²⁵ Militärpolitische Bericht N 8, 4.2. 1918. S. 101.

²⁶ Militärpolitische Bericht N 9, 4.2. 1918. S. 101.

²⁷ Militärpolitische Bericht N 10, 9.2.1918. S. 102.

²⁸ Militärpolitische Bericht N 11. S. 104.